

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список сокращений	6
Введение	8
Глава 1. НАЧАЛО ПРЕОБРАЗОВАНИЙ	22
1.1. Между аристократией и олигархией	22
1.2. Eunomia: Солон	47
1.3. Тирания в Афинах	74
1.4. Isonomia: Клисфен	98
1.5. Политическая эволюция: стимулы и результаты	117
Глава 2. ОТ КЛИСФЕНА ДО САЛАМИНСКОЙ БИТВЫ (507–480 гг. до н.э.)	135
2.1. После Клисфена	135
2.2. Между Марафоном и Саламином (80-е годы V в. до н.э.)	162
2.3. Закон об остракизме и первые остракофории	196
2.4. Прелюдия демократии?	214
Глава 3. НАКАНУНЕ РАДИКАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (480–462 гг. до н.э.)	226
3.1. Афины после Саламина	226
3.2. Победы и поражения Кимона	260
3.3. Ареопаг, морское могущество и демократия	290
Глава 4. ПРОГРЕСС ДЕМОКРАТИИ	319
4.1. Реформа Эфиальта	319
4.2. Афины в период Первой Пелопоннесской войны (460–446 гг. до н.э.)	344
4.3. Перикл	366
4.4. Афинская демократия: от Эфиальта до начала Пелопоннесской войны	401
Заключение	417
Источники	428
Литература	431

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Сборники источников, общие труды

- ATL — *Merritt B.D., Wade-Gery H.T., McGregor M.F.* The Athenian Tribute Lists. Vol. I–IV. Cambridge, MA; Princeton: Princeton University Press, 1939–1953.
- CAH — Cambridge Ancient History. 2nd ed. Cambridge University Press, 1970–1992.
- FGrHist — Die Fragmente der griechischen Historiker / Hrsg. von F. Jacoby. Bd. I–III. Berlin; Leiden: Brill, 1923–1958.
- IG — Inscriptiones Graecae. Berlin, периодическое издание с 1873 г.
- M&L — *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Oxford: Clarendon Press, 1969.
- RE — *Pauly A., Wissowa G., Kroll W.* Realencyclopädie der Klassischen Altertümwissenschaft. Stuttgart: Metzler, 1893–1978.
- SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum / ed. by J.J. Hondius. Vol. I–XXV. Leiden: Brill, 1923–1971; ed. by R. Stroud, H. Pleket. Vol. XXVI–XXXVIII. Leiden: Brill, 1976–1988.

Профильные журналы, ежегодники

- АДСВ — Античная древность и Средние века. Свердловск-Екатеринбург: УрФУ.
- ВДИ — Вестник древней истории. М.: Наука.
- AC — L'Antiquité classique. Bruxelles: SNRS.
- АНВ — Ancient History Bulletin. University of Calgary.
- AJA — The American Journal of Archaeology. Boston: Archaeological Institute of America.
- AJP — The American Journal of Philology. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- BICS — Bulletin of the Institute of Classical Studies.
- BSA — The Annual of the British School of Athens. L.: British School of Athens.

- CA — Classical Antiquity. Oakland: University of California Press.
- CJ — Classical Journal. Monmouth: CAMWS.
- CP — Classical Philology. Chicago: University of Chicago Press.
- CQ — The Classical Quarterly. Cambridge: Cambridge University Press.
- CSCA — California Studies in Classical Antiquity. Oakland: University of California Press.
- G&R — Greece and Rome. Cambridge: Cambridge University Press.
- GRBS — The Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham, NC: Duke University.
- HSCPh — Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- HZ — Historische Zeitschrift. Berlin: Oldenburg-De Gruyter.
- JHS — Journal of Hellenic Studies. Cambridge: Society for the Promotion of Hellenic Studies.
- MH — Museum Helveticum. Basel; Berlin: Schwabe.
- OUCS — Odense University Classical Studies. Odense: Odense University Press.
- PP — La Parola del Passato: Napoli-Firenze; Machiaroli-Olschki.
- QUCC — Quaderni Urbinati di Cultura Classica. Urbino: Edizioni dell'Ateneo.
- RA — Revue Archaeologique. Paris; Nanterre: Presses Universitaires de France.
- REA — Revue des Études Anciennes. Bordeaux: Presses Universitaires de Bordeaux.
- REG — Revue des Études Grecques. Paris: Association des Études Grecques.
- RhM — Rheinische Museum für Philologie. Koeln: Sauerländer.
- RIDA — Revue international des droite de l'Antiquite. Paris: De Boccard.
- TAPhA — Transactions and Proceedings of the American Philological Association. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Koeln: Habelt.

ВВЕДЕНИЕ

В середине V в. до н.э. государственное устройство Афин обретает ярко выраженные демократические черты. Избрание на самые значимые государственные должности происходило в народном собрании, а суды, в которых заседали преимущественно простые афиняне, не только вершили суд, но и осуществляли контроль за избранными должностными лицами. «Наш государственный строй, — с гордостью говорил Перикл в так называемой Надгробной речи, — не подражает чужим учреждениям; мы сами скорее служим образцом для некоторых, чем подражаем другим. Называется этот строй демократическим (δημοκρατία κέκληται), потому что он зиждется не на меньшинстве, а на большинстве их» (Thuc. II. 37. 1, пер. Ф. Мищенко)¹.

Даже легендарные афинские цари из аттических трагедий нередко изображались как демократические вожди. Для примера можно упомянуть афинского царя Тезея из трагедии Еврипида «Просительницы». Отвечая на вопрос фиванского глашатая о том, кто в Афинах самодержец, он говорит буквально следующее:

С ошибки речь ты начал, гость. Напрасно
Ты ищешь самодержца, — не один
Здесь правит человек, свободен город.

---

¹ Правда, далее Фукидид, оценивая роль и влияние Перикла, замечает, что *demokratia* была лишь на словах, а на деле власть принадлежала первому гражданину (ἐγίνετό τε λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχή) (Thuc. II. 65. 9, комментарии: *Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 346*).

Народ у власти; выборных сменяет
 Он каждый год; богатству преимуществ
 Здесь не дают, права у бедных те же.

(*Eurip. Suppl.* 404–409,
 пер. С. Шервинского)

Термин *демократия*, которым обозначалось политическое устройство Афин, появляется и начинает широко использоваться в V в. до н.э. Не исключено, впрочем, что он родился в кругах не сторонников, а противников демократии². Во всяком случае, немало древних авторов отзывалось о *демократии* весьма неодобрительно, не скупясь на ее негативные характеристики. В качестве иллюстрации достаточно упомянуть трактат «Афинская полития», приписываемый Ксенофону, автор которого чаще именуется Старым Олигархом: «Что касается государственного устройства афинян, — пишет он, — то, если они выбрали свой теперешний строй, я не одобряю этого по той причине, что, избрав себе его, они тем самым избрали такой порядок, чтобы простому народу жилось лучше, чем благородным» (*Xen. Ath. Pol.* 1. 1, пер. С. Радцига).

Вопрос о том, что такое афинская демократия, когда она возникла и какую роль в ее появлении сыграли те или иные социальные слои и группы, часто ставился исследователями. При этом нередко отмечалось, что Афины являли собой практически не существующий ныне тип государственного устройства — прямую демократию, существенно отличающуюся от демократии представительной³. Основанием для таких утверждений стала известная характеристика Афин как *face-to-face society*, которую дал в свое время М. Финли⁴. Таким образом он

² Маринович Л.П. Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению. М.: КДУ, 2007. С. 4.

³ *Robinson E.W.* The First Democracies. Early Popular Government outside Athens. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. P. 26; Карпук С. Прямая демократия: поучительный пример или исторический артефакт? // Отечественные записки. 2006. № 29; Кудрявцева Т.В. Народный суд в демократических Афинах. СПб.: Алетейя, 2008. С. 425 и сл.

⁴ *Finley M.I.* Democracy Ancient and Modern. L.: Chatto and Windus, 1973. P. 17–18.

хотел подчеркнуть, что демократия подобного рода возможна лишь в незначительных по размерам государствах (полисах) с небольшим коллективом граждан. Только в таких государствах возможно прямое самоуправление, осуществляемое гражданами через народное собрание. Однако эту оценку нельзя считать безусловно принятой. Другой английский исследователь Р. Осборн, например, не считает возможным говорить о существовании прямой демократии в Афинах, поскольку политически активной была лишь часть граждан — те, кого можно назвать политическим классом⁵. А известный датский антиковед М. Хансен сердцевиной афинской демократической системы вообще считает не народное собрание, а суд — *гелиэю*⁶.

С недавних пор проблема становления демократии в Афинах стала особенно популярной. В начале 1990-х годов в США и Европе отметили 2500-летие ее возникновения серией конференций и публикаций. Речь идет о годовщине реформ афинянина Клисфена, с именем которого антиковеды связывают возникновение демократии в Афинах⁷. Дж. Обер, известный американский антиковед, один из инициаторов и организаторов упомянутых мероприятий, называет процесс появления демократии и сопутствовавшие ему события «афинской революцией» и сравнивает их с Французской революцией XVIII в.⁸ Естественным следствием этого является восторженная оценка возникшей в Афинах демократии. Помимо этого,

---

⁵ Osborne R. *Demos: the Discovery of Classical Attika*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 64 f., 88 f. Возражения высказывает и Дж. Обер: *Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens*. Princeton: Princeton University Press, 1989. P. 31 f.

⁶ См., например: *Hansen M.H. The Concept of Demos, Ekklesia, and Dikasterion in Classical Athens // GRBS*. 2010. Vol. 50. No. 4.

⁷ Например: *Democracy 2500? Questions and Challenge / ed. by I. Morris, K. Raaflaub*. Dubuque, Iowa: Archaeological Institute of America, 1998; *Rhodes P.J. Ancient Democracy and Modern Ideology*. L.: Duckworth, 2003. P. 61 f.; см. также: *Маринович Л.П.* Указ. соч. С. 21 и сл.

⁸ *Ober J. Athenian Revolution of 508/7 B.C.: Violence, Authority and the Origins of Democracy // Athenian Democracy*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004 (см. также эту работу в: *Cultural Poetics in Archaic Greece / ed. by C. Dougherty, L. Kurke*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 215–232). Ранее им была высказана мысль об общемировом значении реформ Клисфена (*Ober J. Mass and Elite... P. 9*).

изучение демократии имеет для Обера и практическую составляющую, поскольку опыт афинян может быть использован современными демократическими государствами. Впрочем, нельзя сказать, что подобные оценки принимались исследователями безоговорочно⁹. Отмечались и существенные отличия процессов, происходивших в позднеархаических Афинах и в Европе Нового времени¹⁰. Высказывались сомнения и в том, что именно Клисфена следует считать родоначальником афинской демократии.

Проведенные дискуссии, несмотря на их бросающуюся в глаза политическую ангажированность, все же позволили сформулировать ряд принципиальных положений. В частности, становление демократии в Афинах следует отличать от процесса формирования европейских демократических систем Нового времени. В последнем случае значительную роль играло так называемое третье сословие, выдвигавшее популярные лозунги и собственных лидеров, чего не скажешь об Афинах эпохи архаики и классики. Роль двигателя политического прогресса здесь нередко исполняла аристократия¹¹. Во всяком случае, из ее рядов вышли все наиболее значимые политические лидеры и народные вожаки. Нерешенным остался и вопрос об основателе демократии в Афинах, который по-прежнему можно считать дискуссионным¹².

Что же еще удалось выяснить исследователям? В самом общем виде демократия определяется как тип власти, основанной на правлении народа¹³. Следовательно, демократией может быть назва-

⁹ В качестве примера можно сослаться на Л. Канфора — автора критического исследования феномена демократии (в том числе и античной) (*Канфора Л. Демократия. История одной идеологии*. СПб.: Alexandria, 2012).

¹⁰ *Eder W. Aristocrats and the Coming of Athenian Democracy // Democracy 2500? Questions and Challenge / ed. by I. Morris, K. Raafaub. Dubuque, Iowa: Archaeological Institute of America, 1998.*

¹¹ *Ibid.*; см. также: *Фролов Э.Д. Парадоксы истории — парадоксы античности*. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2004. С. 157 и сл.

¹² Подробнее см.: *Osborne R. When Was the Athenian Democratic Revolution? // Rethinking Revolutions through Ancient Greece / ed. by S. Goldhill, R. Osborne. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 21 f.*

¹³ *Robinson E.W. The First Democracies... P. 13–14.* В то же время демократия может рассматриваться и как совокупность политических институтов, обеспе-

но политическое устройство, при котором власть принадлежит не группе или классу, а большинству¹⁴. Сердцевина демократической системы Афин — народное собрание, принимавшее законы и избиравшее наиболее значимых должностных лиц. Возникновение такого устройства следует в таком случае связывать с формированием в Афинах политической системы, при которой наибольшее значение приобретают представительные учреждения — народное собрание (*эκκλησία*) и народный суд (*гелиэя*). Такой политический строй позволял демосу осуществлять власть либо непосредственно, например во время заседаний народного собрания, либо через избираемых им должностных лиц.

Однако если становление демократии связывать с существованием наделенного сколько-нибудь значительными полномочиями народного собрания, возникнут определенные сложности. Дело в том, что народное собрание существовало едва ли не во всех греческих полисах. Оно, как резонно замечает Р. Сили, играло значительную роль даже в олигархических полисах. «Если кто-либо, — пишет он, — склонен считать, что конституционное развитие Афин имело специфические в сравнении с другими полисами особенности именно благодаря достижению демократии, он должен вкладывать в это понятие нечто иное, нежели приоритет собрания граждан»¹⁵.

Кроме того, если демократию связывать с исключительной ролью народного собрания, ее возникновение надо будет отнести к бо-

---

чивающих правление (контроль) большинства над государством, а также как комплекс идеалов и принципов, которые лежат в основании демократических институтов и процедур, — например, принцип равенства (*Ober J. Mass and Elite... P. 3 f.; Robinson E. W. The First Democracies... P. 65 f.; см. также: Morris I. The Strong Principle of Equality and the Archaic Origins of Greek Democracy // Dēmokratia: A Conversation on Democracies, Ancient and Modern / ed. by J. Ober, Ch. Hedrick. Princeton: Princeton University Press, 1996).*

¹⁴ *Robinson E. W. The First Democracies... P. 14, n. 2.* При этом, правда, возможны различные трактовки понятия «народ» (демос): либо это простое большинство граждан, о котором в одной из своих речей говорил Перикл (*Thuc. II. 37. 1*), либо беднейшая их часть, составляющая большинство внутри демоса (*Xen. Ath. Pol. I. 2–5*) (*Rhodes P. J. Ancient Democracy and Modern Ideology... P. 20*).

¹⁵ *Sealey R. The Athenian Republic. Democracy or the Rule of Law? University Park; L.: The Pennsylvania State University Press, 1987. P. 96.*

лее раннему времени, нежели принято считать¹⁶. В этом случае она будет обязана своим появлением в Афинах скорее Солону (начало VI в. до н.э.), нежели Клисфену¹⁷. Не исключено, что так считали некоторые греческие авторы IV в. до н.э.¹⁸ «Солона же, — отмечал Аристотель, — некоторые считают превосходным законодателем: он упразднил крайнюю олигархию, положил конец рабству простого народа и установил прародительскую демократию, удачно смешав элементы различных государственных устройств» (*Arist. Pol.* 1273 b 37–38, здесь и далее пер. С. Жебелева). Клисфен же, по его словам, лишь содействовал укреплению уже сложившейся в Афинах демократии (*Arist. Pol.* 1319 b 21–22), при нем она скорее обретает радикальные черты, вследствие наделения политическими правами большинства афинян (*Arist. Pol.* 1319 b 2–3, ср.: *Arist. Ath. Pol.* 22. 1, 41. 2).

Быть может, поэтому дату рождения демократии с недавних пор стало принято отодвигать вглубь веков и находить ее во многих (если не во всех) греческих полисах. Э. Робинсон обнаруживает демократические формы правления далеко за пределами Афин и в более раннее время¹⁹. Высказывается предположение, что предпосылки для возникновения демократии складываются уже в период архаики и проявляются в присущих греческому обществу уравнительных (*middling* —

¹⁶ В этом случае можно говорить о возникновении демократии и в Спарте, причем уже в VII в. до н.э., когда появляется Большая Ретра, наделившая собрание граждан широкими полномочиями (*Hornblower S.* *Creation and Development of Democratic Institutions in Ancient Greece // Democracy, the Unfinished Journey. 508 B.C. to A.D.* / ed. by J. Dunn. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 1–2; *Hansen M.H.* *The Concept of Demos...* P. 33).

¹⁷ О. Мюррей именно Солона называет основателем демократии в Афинах (*Murray O.* *Early Greece.* 2nd ed. L.; Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. P. 184; возражения см.: *Mossé C.* *How a Political Myth Takes Shape: Solon, “Founding Father” of Athenian Democracy // Athenian Democracy.* Edinburgh, 2004).

¹⁸ Например, Исократ (*Isocr.* VII. 16, XII. 148, XV. 232, 313). См. также: *Anderson G.* *The Athenian Experiment. Building on Imagined Political Community in Ancient Attica, 508–490 B.C.* Ann Arbor: The University of Michigan University Press, 2003. P. 47–48.

¹⁹ *Robinson E.W.* *Democracy beyond Athens. Popular Government in the Greek Classical Age.* Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

в терминологии И. Морриса) тенденциях²⁰. Несмотря на набирающее обороты «омоложение» греческой демократии, мы не считаем такой подход продуктивным. По-видимому, стимулы и предпосылки ее складывания следует видеть не только в исключительной роли народного собрания, что мы в дальнейшем и попытаемся обосновать.

Таковы лишь некоторые из проблем, которые активно обсуждаются в науке. Их мы намерены обсудить и в настоящей работе. Основное внимание при этом будет уделяться рассмотрению процесса политической модернизации, который привел к возникновению демократии, и факторов, стимулировавших его. Не исключено, что демократия не была конечной целью конкретных реформаторов, решавших в большей мере насущные задачи, стоявшие перед полисом в тот или иной период²¹. Хотя ее возникновение, по нашему убеждению, не было исторической случайностью. К тому же анализ процесса возникновения демократии в Афинах нередко осложняется широко распространенными сегодня взглядами на современное демократическое устройство. Поэтому обсуждение античной демократии нередко превращается в ее сопоставление с современными образцами, которое определяет направление и результаты анализа.

Мы попытаемся избежать подобного сопоставления и проанализировать суждения самих афинян относительно их государственного устройства. Важную информацию содержат труды греческих историков и философов — Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Аристотеля, Платона и др. Однако не все из них ставили перед собой задачу описать процесс становления демократии в Афинах. Геродот интересовался предпосылками и ход греко-персидских войн, Фукиди-

---

²⁰ *Morris I.* The Strong Principle of Equality... P. 21 ff., 28 ff.; *Raaflaub K.A., Wallace R.W.* "People's Power" and Egalitarian Trends in Archaic Greece // *Origins of Democracy in Ancient Greece* / ed. by K.A. Raaflaub, J. Ober, R.W. Wallace. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2007. P. 22–48. Афиняне, по мнению Г. Андерсона, склонны были считать, что демократия родилась у них задолго до Солона и Клисфена (*Anderson G.* Why the Athenians Forgot Cleisthenes: Literary and Politics of Remembrance in Ancient Athens // *Politics of Orality. Mnemosyne Supplements* / ed. by C. Cooper. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 105 f.).

²¹ См.: *Ostwald M.* La Démocratie athénienne. Réalité ou illusion? // *Metis.* 1992. Vol. 7. No. 1.

да — Пелопоннесская война, Ксенофонт рассказывал о заключительных годах Пелопоннесской войны и ситуации в Греции после ее окончания. Несмотря на это, суждения древних авторов о процессе становления демократии и ее оценки могут быть реконструированы с большей или меньшей степенью вероятности²². Геродота нередко называют сторонником демократии²³. Взгляды Фукидида сложнее поддаются реконструкции. Но он был почитателем Перикла, что позволяет и его причислить к сторонникам афинской демократии²⁴. Правда, были и те, кого, как мы уже говорили, народоправство не устраивало. Негативную оценку афинской демократии дал Ксенофонт, если его считать автором небольшого памфлета «Афинская полития»²⁵. Особняком в этом ряду стоит Аристотель. Ему принадлежит несколько сочинений, в которых предпринимается попытка осмыслить ход политической эволюции Древней Греции. Речь идет о его трактатах «Политика», в котором анализируются различные формы политического устройства, и «Афинская полития»²⁶. В последней анализируются политические перемены (*metabolai*), происходившие в Афинах в архаический и классический периоды.

В науке интерес к политическому устройству Афин вообще и к демократии в частности пробудился давно. До определенного времени демократии давались весьма негативные оценки²⁷. У Митфорд, например, превозносилось политическое устройство Спарты, называл демократические Афины «сумасшедшим домом без надсмотрщика»²⁸.

²² Из общих работ можно назвать: Бергер А.К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М.: Наука, 1966.

²³ О политических взглядах Геродота см., например: Forsdyke S. Athenian Democratic Ideology and Herodotus' "Histories" // AJP. 2001. Vol. 122. No. 3.

²⁴ Chambers M.H. Thucydides and Pericles // HSCPh. 1957. Vol. 62; см. также: Pore M. Thucydides and Democracy // Historia. 1988. Bd. 37. H. 3.

²⁵ Никитюк Е.В. «Афинская полития» Псевдо-Ксенофонта // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2009. Вып. 4.

²⁶ См., например: Доватур А.И. Политика и политии Аристотеля. М.; Л.: Наука, 1965; Rhodes P.J. A Commentary on the Aristotelian *Athenaion Politeia*. Oxford: Clarendon Press, 1993.

²⁷ Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 153 и сл.; Маринович Л.П. Указ. соч. С. 4 и сл.

²⁸ Гуцин В.Р. Джордж Грот: на пути к «Греческой истории» // Политическая история и историография. Петрозаводск, 1996. С. 157.

Позитивное отношение к этому типу политического устройства стало формироваться лишь во второй половине XIX в. благодаря Дж. Гроту, который одним из первых выступил в защиту афинского демоса и демократии²⁹. Мало того, он впервые заговорил о превосходстве демократии над другими формами политического устройства³⁰.

В прошлом столетии эта идея была воспринята многими исследователями, и сегодня афинская демократия уже не нуждается в защите. Скорее наоборот, стремясь к объективной оценке данного феномена, следует воздерживаться от апологетики. Начало безудержному восхвалению демократического устройства в Афинах было положено в начале 1990-х годов. Тогда произошли важнейшие геополитические изменения, повлиявшие и на восприятие прошлого. Распад СССР и крушение мировой системы социализма внушили западным интеллектуалам мысль о полной победе либеральных ценностей. В этом контексте следует рассматривать упоминавшиеся выше торжества по случаю 2500-летия рождения демократии.

Первые работы, в которых процесс функционирования государства рассматривается через действия политиков и политических групп, появляются только в начале XX столетия³¹. Со временем новый подход распространяется и на античную историю. Правда, пионерами этого направления становятся исследователи римской истории³². Механизмы политического доминирования и группы влияния в Греции будут изучаться несколько позднее³³.

В настоящее время проблеме становления демократии и ее анализу посвящено огромное количество работ, в которых рассматри-

---

²⁹ Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 154; Маринович Л.П. Указ. соч. С. 9 и сл. См. также: Гуцин В.Р. Джордж Грот... С. 151 и сл.

³⁰ Гуцин В.Р. Джордж Грот... С. 154.

³¹ Bentley A.F. *The Process of Government*. Chicago: University of Chicago Press, 1908; см. также: Rhodes P.J. *General introduction // Athenian emocracy and Modern Ideology*. L.: Duckworth, 2003. P. 6–7.

³² Rhodes P.J. *General introduction...* P. 7.

³³ Упомянем лишь наиболее значимые работы: Connor W.R. *The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Princeton: Princeton University Press, 1971; Davies J.K. *Athenian Propertied Families. 600–300 B.C.* Oxford: Clarendon Press, 1971; Bicknell P.J. *Studies in Athenian Politics and Genealogy*. Wiesbaden: Steiner, 1972.

ваются те или иные ее аспекты. Причем все чаще звучит мысль о том, что демократия была формой государственного устройства, характерной для многих греческих полисов³⁴. Из общих работ можно упомянуть исследования У. Форреста, М. Финли, Д. Стоктона, П. Родса, Л. Сэммонса, Т. Митчелла, а также коллективные труды, в которых делаются попытки осмысления данного феномена³⁵. В исследованиях М. Оствальда и Р. Сили рассматривается роль и эволюция закона (*nomos*)³⁶. Последний не склонен называть политический строй Афин демократией. «Если нужен слоган, — пишет Р. Сили, — то Афины были республикой, а не демократией»³⁷. Эту мысль он выносит и в подзаголовок своего исследования: Демократия или Власть Закона. При этом предпочтение отдается последнему.

Наиболее популярным до недавнего времени был так называемый институциональный подход к процессу становления афинской демократии. В работах авторов этого направления рассматривалась эволюция конституционного устройства или отдельные политические институты³⁸. Специальные монографические исследования посвящены важнейшим политическим институтам: *буле* — совету 500, который появляется в Афинах в конце VI в.

³⁴ *Robinson E.W.* The First Democracies...; *Idem.* Democracy beyond Athens...

³⁵ *Forrest W.G.* The Emergence of Greek Democracy. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1966; *Finley M.I.* Op. cit.; *Stockton D.* The Classical Athenian Democracy. Oxford: Oxford University Press, 1990; *Rhodes P.J.* Ancient Democracy and Modern Ideology...; *Samons L.* What Wrong with Democracy? From Athenian Practice to American Worship. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2004; Greek Polis and the Invention of Democracy. A Politico-cultural Transformation and Its Interpretation / ed. by J.P. Arnason, K.A. Raaflaub, P. Wagner. L.: Wiley-Blackwell, 2013; *Mitchell T.N.* Democracy's Beginning. The Athenian Story. New Haven; L.: Yale University Press, 2015; A Companion to Greek Democracy and Roman Republic / ed. by D. Hammer. L.: Wiley-Blackwell, 2015.

³⁶ *Ostwald M.* Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. Oxford: Clarendon Press, 1969; *Idem.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1986; *Sealey R.* Op. cit.

³⁷ *Sealey R.* Op. cit. P. 146.

³⁸ Общий обзор конституционного устройства Афин см., например: *Hignett C.* A History of the Athenian Constitution to the End of the 5th Century B.C. Oxford: Clarendon Press, 1952.

до н.э. (П. Родс), ареопагу (Р. Уоллес), афинской стратегии (Ч. Форнара и Д. Хаммел)³⁹.

Отдельно следует сказать о работах, в которых исследуется социальная история — возникновение и историческая роль аристократии и демоса, а также характер отношений между ними. При этом если Р. Осборн и Дж. Обер склонны подчеркивать роль демоса в процессе возникновения демократии в Афинах, то В. Эдер ее творцом называет аристократию⁴⁰. Социально-политическая сфера изучалась в работах Дж. Дэвиса, У. Коннора, П. Бикнелла⁴¹. В работах Ф. Фроста, Д. Кэгэна, Э. Подлецки и В. Вилля анализируется деятельность отдельных политических лидеров⁴².

Отечественная историография менее разнообразна, но и в ней интерес к афинской демократии у исследователей пробудился довольно давно. Достаточно упомянуть ставшее уже классическим исследование В.П. Бузескула⁴³. Из более современных работ следует отметить исследование Л.П. Маринович, в котором афинская демократия рассматривается как социально-политический феномен⁴⁴. Процесс становления демократии в Афинах рассматривает в своей монографии Х. Туманс⁴⁵. Совсем недавно на свет появился коллек-

---

³⁹ *Rhodes P.J.* The Athenian Boule. Oxford: Clarendon Press, 1972; *Wallace R.W.* The Areopagos Council, to 307 B.C. Baltimore; L.: Johns Hopkins University Press, 1989; *Fornara Ch.W.* The Athenian Board of Generals from 501 to 404 B.C. Wiesbaden: Steiner, 1971; *Hamel D.* Athenian Generals. Military Authority in Classical Period. Leiden: Brill, 1998.

⁴⁰ *Osborne R.* Demos: the Discovery...; *Ober J.* Mass and Elite...; *Eder W.* Op. cit.

⁴¹ *Davies J.K.* Op. cit.; *Connor W.R.* Op. cit.; *Bicknell P.J.* Op. cit.

⁴² *Frost F.J.* Plutarchs' Themistocles. A Historical Commentary. Princeton: Princeton University Press, 1980; *Kagan D.* Pericles of Athens and the Birth of Democracy. N.Y.: Free Press, 1991; *Will W.* Perikles. Hamburg: Rowohlt, 1995; *Podlecki A.J.* Perikles and his Circle. L.: Routledge, 1998. Правда, если Д. Кэген изображает Перикла как героя, «рыцаря без страха и упрека», то В. Вилль, наоборот, стремится лишить его героического ореола, не жалея при этом черных красок.

⁴³ *Бузескул В.П.* История афинской демократии. СПб.: Гуманитарная академия, 2003 [1909].

⁴⁴ *Маринович Л.П.* Указ. соч.

⁴⁵ *Туманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла. СПб.: Гуманитарная академия, 2002.

тивный труд, посвященный античной демократии⁴⁶. В нем помимо афинской демократии рассматриваются элементы демократического устройства Спарты и других греческих полисов. К сожалению, он не стал прорывом в данном направлении, поскольку некоторые его авторы предпочли ограничиться констатацией общеизвестного. На рубеже XX–XXI вв. появляются работы, анализирующие политическое развитие Древней Греции в цивилизационном контексте⁴⁷. Оценке исторического феномена античной демократии (на примере Афин) посвятил одну из своих статей, вошедших в новый сборник, Э.Д. Фролов⁴⁸.

Отечественные ученые, как правило, исследуют положение отдельных социальных слоев и групп. При этом больше повезло аристократии, значительные публикации о которой относятся еще к 1990-м годам⁴⁹. Не были обойдены вниманием и политические институты, в частности ареопаг и народный суд (*гелиэя*)⁵⁰. Анализи-

⁴⁶ Проблемы античной демократии / под ред. Э.Д. Фролова. СПб.: Издательство СПбГУ, 2010 (рецензия: Суриков И.Е. // Аристей. 2011. Вып. IV).

⁴⁷ Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб.: Алетейя, 1998.

⁴⁸ Фролов Э.Д. Указ. соч. Гл. 12.

⁴⁹ Ленская В.С. Эвпатриды: начало истории // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1999. Вып. 8; Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М.: Издательство Института всеобщей истории РАН, 2000; Он же. Аристократия и демос. Политическая элита архаических и классических Афин. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2009; Владимирская О.Ю. Алкмеониды и мезизм в Афинах // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб.: ЛГУ, 2002; Goušchin V. Aristocracy in Democratic Athens. Deformation and/or Adaptation // Deformations and Crises of Ancient Civil Communities / ed. by V. Goušchin, P.J. Rhodes. Stuttgart: Steiner, 2015.

⁵⁰ Цуканова М.А. Ареопаг до Солона // Вестник ЛГУ. Сер. «История, язык, литература». 1972. Вып. 2; Коршунов В.А. Эфиальт и значение реформ Ареопага // Античное общество и государство. Л.: ЛГУ, 1988; Он же. Религиозные, судебные и политические полномочия Афинского ареопага // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Н. Новгород: НГПИ им. М. Горького, 1991; Суриков И.Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 1; Кудрявцева Т.В. Народный суд в демократических Афинах. СПб.: Алетейя, 2008; Гуцин В.Р. Афинский Ареопаг:

ровалась, естественно, политическая ситуация в Афинах в архаический и классический периоды, а также перипетии политической борьбы⁵¹. К этой группе следует, видимо, отнести работы, посвященные отдельным политическим деятелям — Мильтиаду, Аристиду, Фемистоклу, Периклу⁵². Вот, пожалуй, и все, что мы имеем на сегодняшний день.

Хронологические рамки работы охватывают довольно обширный период — от архаики до начала Пелопоннесской войны, т.е. от VIII в. до н.э. до середины V в. до н.э. Именно в это время были запущены процессы, приведшие к возникновению демократии в Афинах. Следует, впрочем, оговориться, что упоминание Пелопоннесской

от Саламинской битвы до реформы Эфиальта (478–462 гг. до н.э.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 15 (70). 2009. Вып. 12; *Он же*. Эфиальт против ареопага // Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование. Ярославль: ЯрГУ, 2012.

⁵¹ *Зельин К.К.* Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э. М.: Наука, 1964; *Фролов Э.Д.* Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л.: ЛГУ, 1983; *Суриков И.Е.* Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2; *Гущин В.Р.* Закон об остракизме и первые остракофории в Афинах // Античная история и классическая археология. 2006. Вып. 2.

⁵² *Зайцев А.И.* Перикл и его преемники (к вопросу о приемах политического руководства в древности) // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л.: ЛГУ, 1983; *Строгецкий В.М.* Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб.: СПбГУ, 1998; *Владимирская О.Ю.* Мильтиад Старший — ойкист: к вопросу о взаимоотношении аристократов и тиранов // Мнемон. 2002; *Гущин В.Р.* Фемистокл и Аристид: соперники или союзники? // ПИФК. 2010. № 3; *Суриков И.Е.* Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4; *Он же*. Ксантипп, отец Перикла. Штрихи к политической биографии // ПИФК. 1999. Вып. 8; *Он же*. Фемистокл: homo novus в кругу старой знати // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 8. М.: РОИИ, 2002; *Он же*. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М.: Наука, 2005; *Он же*. Аристид «Справедливый»: политик вне группировок // ВДИ. 2006. № 1; *Он же*. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М.: Наука, 2008.

войны как хронологического рубежа в известном смысле условно. Разговор о процессе становления демократии в Афинах можно было бы завершить 462 г. до н.э., т.е. реформами Эфиальта. Но информация о реформах слишком скудна, чтобы у исследователя могло возникнуть цельное и непротиворечивое представление о них. К тому же жизнь самого реформатора внезапно оборвалась. Поэтому значительно больший интерес для нас представляют Афины времени Перикла. Другими словами, речь может идти о периоде, предшествующем Пелопоннесской войне. Хотя бы потому, что упомянутая война не могла не внести свои коррективы в тот политический строй, который складывается до ее начала.

Глава 1

НАЧАЛО ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

1.1. Между аристократией и олигархией

Если верить античной традиции, первоначально вся полнота власти в Афинах принадлежала царям (*basileis*). Замечено, кстати, что в исторических источниках о царях нередко говорится во множественном числе¹. Возможно, этот титул носила и знать, окружавшая царя. Во всяком случае, уже тогда окружение царя образует нечто вроде совета, заседавшего на холме Ареса, который впоследствии будет называться ареопагом (*Plut. Thes. 24*)². Можно предположить, что последовавшее затем упразднение царской власти расширило полномочия ареопага, сделав его наиболее влиятельным органом³. Однако с этим согласны далеко не все. Р. Уоллес, например, считает, что ареопаг был создан с конкретной целью: его прерогативой

---

¹ См., например, отрывок из Солоновского закона об амнистии (*Plut. Sol. 19*). На это обращает внимание И.Е. Суриков (*Суриков И.Е. Аристократия и демос. Политическая элита архаических и классических Афин. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 20–21*).

² *Rhodes P.J. A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 106 ff. Мифологическая традиция называет создателем ареопага легендарного афинского царя Тезея (см., например: *Wade-Gery H.T. Essays in Greek History*. Oxford: Blackwell, 1958. P. 92–93). А во времена Плутарха шел спор о том, был ли ареопаг создан Солоном или существовал до него (*Plut. Sol. 19*). См. также: *Цуканова М.А. Ареопаг до Солона // Вестник ЛГУ. 1972. № 8. Сер. «История, язык, литература». Вып. 2. С. 59–65; Суриков И.Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 1*.

³ См., например: *Rhodes P.J. A Commentary... P. 107*.

было рассмотрение дел об убийствах и лишь затем он расширяет свои полномочия, приобретая дополнительные функции⁴. Действительно, судя по сообщениям древних авторов, в ведении ареопага находились дела об убийствах, которые с глубокой древности рассматривались на холме Ареса⁵. «Процессы об убийстве и нанесении ран, если кто предумышленно убьет или поранит другого, — рассказывает Аристотель, — разбираются в ареопаге; также и дела об отравлении, если кто причинит смерть, давши яду, и дела о поджоге. Это составляет исключительно круг дел, по которым судит совет ареопага» (*Arist. Ath. Pol.* 57. 3, здесь и далее пер. С. Радцига).

Однако полномочия ареопага и ареопагитов не ограничивались вынесением приговоров по уголовным делам. Ареопаг стоял на страже существующих законов. «...Совет ареопагитов, — говорится в «Афинской политике», — хотя имел обязанность быть только блюстителем законов, распоряжался большинством важнейших дел в государстве, налагая кары и взыскания безапелляционно на всех нарушителей порядка. Это объясняется тем, что выбор архонтов производился по благородству происхождения и по богатству, а из них-то и избирались ареопагиты. Вот почему это — единственная из должностей, которая остается пожизненной и теперь» (*Arist. Ath. Pol.* 3. 6). Если это так, то с мнением Р. Уоллеса трудно согласиться, поскольку ареопаг как совет аристократии изначально имел более широкие, в том числе политические, полномочия.

По-видимому, ареопаг избирал должностных лиц — коллегия архонтов. В «Афинской политике» находим следующее замечание Аристотеля: «В старину совет ареопага приглашал к себе кандидата и, обсудив в своей среде его кандидатуру, назначал на каждую из должностей подходящего человека на год, после чего отпускал его» (*Arist. Ath. Pol.* 8. 2). П. Родс полагает, что речь в этом пассаже, скорее всего, идет о процедуре проверки должностного лица

---

⁴ Wallace R. W. *The Areopagos Council*, to 307 B.C. Baltimore; L.: Johns Hopkins University Press, 1989. P. 39–46.

⁵ О полномочиях и функциях ареопага см.: *Smith G.* *The jurisdiction of the Areopagus* // *CP*. 1927. Vol. 22. No. 1; *Цуканова М.А.* Указ. соч.; *Кориунков В.А.* Эфиальт и значение реформ Ареопага // *Античное общество и государство*. Л.: ЛГУ, 1988. С. 68; *Суриков И.Е.* Афинский ареопаг... С. 29, 37–38.

(*dokimasia*)⁶. Но в процитированном отрывке речь идет именно об избрании архонтов, а не о проверке претендующих на эту должность. Согласно «Афинской политике», архонты избирались именно ареопатом. А вот в другом своем трактате — в «Политике» — Аристотель говорит, что архонты избирались народным собранием, в какую процедуру Солон, по его словам, не внес никаких изменений: «...Солон, по-видимому, удержал то, что уже существовало прежде, а именно ареопат и выборность должностных лиц, но демократию именно он установил тем, что ввел народный суд, где могут быть судьями все» (*Arist. Pol. II. 1274 a 1–2, 15–17*, здесь и далее пер. С. Жебелева).

Можно предположить, что право избирать должностных лиц было прерогативой народного собрания. Однако его роль в данный момент, скорее всего, была невелика, да и собиралось оно нерегулярно. При господстве аристократии и особенно в ситуации, которая сложилась в Афинах накануне реформ Солона, вряд ли могло быть иначе. Аристотель называл существовавшее в тот период государственное устройство олигархическим. «Надо иметь в виду, — пишет он, — что вообще государственный строй (в Афинах. — *В. Г.*) был олигархический, но главное было то, что бедные находились в порабощении не только сами, но также и дети и жены. ...Впрочем, и всем остальным он был тоже недоволен, потому что ни в чем, можно сказать, не имел своей доли» (*Arist. Ath. Pol. 2. 2*). Олигархия, которую Аристотель характеризует как крайнюю, будет уничтожена, по его словам, только реформами Солона (*Arist. Pol. II. 1273 b 36–39*). Существование олигархического режима позволяет предположить, что роль народного собрания и вообще выборных процедур была невелика. А если это так, можно предположить, что назначение предварительно избранных кандидатов на должности архонтов вплоть до реформ Солона, возможно, производилось советом знати. Во всяком случае, вплоть до реформы Эфиальта именно ареопагиты производили проверку претендующих на ту или иную должность (*dokimasia*), а по истечении срока их полномочий принимали отчеты (*euthynai*)⁷.

---

⁶ *Rhodes P.J. A Commentary...* P. 150.

⁷ *Бузескул В.П.* История афинской демократии. СПб.: Гуманитарная академия, 2003. С. 122; *Ostwald M.* From popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1986. P. 14.

Существенные изменения в процедуре избрания архонтов произойдут лишь при Солоне, когда каждая из четырех фил должна будет избирать по десять претендентов, дальнейшую судьбу которых решал жребий (*Arist. Ath. Pol.* 8. 1). Подобная процедура просуществовала, возможно, вплоть до 582/1 г., т.е. до архонства Дамасия⁸.

Непременным условием для занятия того или иного государственного поста было, конечно же, происхождение (*ἀριστίστην*), т.е. принадлежность к ведущим аристократическим родам или кланам. Согласно законодательству Драконта вопрос о доступе в страну человека, совершившего непредумышленное убийство (*IG* 1³ 103), решала комиссия из десяти членов фратрии, избранных из числа благородных. Таким же образом были избраны и триста судей по делу о так называемой Алкмеонидовой скверне (*Arist. Ath. Pol.* 1). По-видимому, уже тогда на высшие государственные должности стали избирать по происхождению и богатству (*ἀριστίστην καὶ πλουτίστην*) (*Arist. Ath. Pol.* 3. 1; ср. 3. 6). Впрочем, благородное происхождение, безусловно, могло указывать и на состоятельность того или иного претендента. Как бы то ни было, принадлежность к аристократии была важнейшим условием политического доминирования.

Что же представляла собой афинская аристократия и как она возникла? Можно предположить наличие тесной связи аристократии с военной сферой жизни общества. Первоначально уделом аристократии в военной сфере были единоборства, но на рубеже VIII–VII вв. до н.э. аристократический статус начинает определять, как считают некоторые авторы, конница⁹. Этот вывод чаще всего делается в силу очевидной связи аристократического статуса и всадничества. Однако исторические факты заставляют сомневаться в этом постулате, поскольку существование кавалерии в архаических

---

⁸ *Develin R.* Athenian Officials. 684–321 B.C. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 2.

⁹ См., например: *Туманс Х.* Военная организация греков в архаическую эпоху (Афины VIII–VI вв. до н.э.) // *Античное общество. Проблемы политической истории.* СПб.: СПбГУ, 1997. О слиянии понятий всадничества и аристократии: *Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. Л.: ЛГУ, 1988. С. 109.

Афинах не зафиксировано¹⁰. В греческой истории едва ли был такой исторический период, как резонно замечает Х. ван Веес, в течение которого доминирующей силой армий была кавалерия¹¹.

Если это так, то судьбу аристократии следует связывать с появившейся в эти же столетия фалангой. Традиционно считается, что фаланга оказала демократизирующее воздействие на аристократическое общество¹². Возможно, так оно и было, поскольку фаланга объективно усиливала роль тех представителей демоса, которые были достаточно состоятельны, чтобы приобрести гоплитское вооружение. Но вряд ли фаланга могла снизить роль аристократии, которая и здесь нашла для себя место — в первых рядах сражающихся (*promachoi*). В связи с этим есть смысл вспомнить гомеровскую «Илиаду», хотя существование фаланги в гомеровское время оспаривается¹³. Стоит процитировать небезызвестное обращение Сарпедона к Главку:

Сын Гипплов! За что перед всеми нас отличают
Местом почетным, и брашном, и полной на пиршествах чашей
В царстве ликийском и смотрят на нас как на жителей неба?
И за что мы владеем на Ксанфе уделом великим,
Лучшей землей, виноград и пшеницу обильно плодящей?
Нам, предводителям, между передних героев ликийских
Должно стоять и в сраженьи пылающем первым сражаться.

(Нот. II. XII. 310–316,
пер. Н. Гнедича. Курсив наш. — В. Г.)

Другими словами, первенствующая роль аристократов на поле брани могла сохраниться и с появлением фаланги¹⁴. При этом аристо-

---

¹⁰ Подробнее см.: *Bugh G.R. The Horsemen of Athens*. Princeton: Princeton University Press, 1988. Ch. 1. О кавалерии в Афинах см. также: *Rhodes P.J. A Commentary...* P. 303–304.

¹¹ *van Wees H. Politics and Battlefield: Ideology in Greek Warfare // The Greek World* / ed. by A. Powell. L.: Routledge, 1995. P. 169.

¹² *Туманс Х. Рождение Афины*. СПб.: Гуманитарная академия, 2002. С. 164 и сл.

¹³ Там же. С. 164.

¹⁴ См.: *Morris I. Burial and Ancient Society. The Rise of the Greek City-State*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 197; *Суриков И.Е. Аристократия и демос...* С. 64–65.

кратия продолжала оставаться всадническим сословием, что ничуть не мешало ей воевать в пешем строю, т.е. быть *promachoi* — стоящими впереди¹⁵. Конь в этом случае оставался символом (и в большей мере именно символом) аристократического, рыцарского статуса.

Появлению аристократии сопутствовало распространение героических культов. В свое время нами было высказано предположение, что героические культы могли быть связаны с процессом формирования фратрий¹⁶. О том, что они представляли собой и как появились, практически ничего не известно. Мы не можем сказать, возникали ли они в недрах более крупных социальных образований — фил либо появились независимо от них. Упомянутая Аристотелем социальная структура, в которой филы состоят из фратрий (*Arist. Ath. Pol. fr. 3*), могла сложиться в более поздний период. Определенно можно сказать лишь то, что фратрии, только появившись, становятся основной политической ячейкой¹⁷. Это значит, что народное собрание, если оно тогда уже существовало, скорее всего, было собранием фратрий. Косвенно эту мысль подтверждает то, что традиция ничего не сообщает о связи фил с государственной организацией¹⁸. Подобная связь, а именно формирование филами совета 400, возникнет лишь при Солоне.

Возникновение героических культов можно связать с начавшейся на рубеже IX–VIII вв. до н.э. внутренней колонизацией Аттики.

---

¹⁵ Дополнительным подтверждением тому может служить надпись с могилы некоего Креза, павшего в бою, принадлежащего, возможно, к роду Алкмеонидов. В ней погибший также назван *promachos* (*Jeffery L.H. The Inscribed Gravestones of Archaic Athens // ABSA. 1962. No. 57. P. 144; Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М.: Издательство Института всеобщей истории РАН, 2000. С. 67*).

¹⁶ См.: *Гуцин В.Р. Архаическая Аттика. Динамика социальных отношений: дис. ... канд. истор. наук (на правах рукописи). СПб., 1992. С. 49 и сл., 52–53. См. также: Гуцин В.Р., Колобов А.В. Античная традиция: миф, история и политики // Традиционное политическое сознание: эволюция мифологем. Екатеринбург: УРО РАН, 2005. С. 91 и сл.*

¹⁷ *Humphreys S.C. Kinship in Ancient Athens. An Anthropological Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 566, n. 107.*

¹⁸ *Fine J.V.A. Ancient Greeks. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983. P. 183.*

Рост населения сопровождается заселением ранее пустовавших или слабо освоенных районов, что исследователи определяют как внутреннюю колонизацию¹⁹. Именно к этому времени относятся обнаруженные археологами в тех или иных частях Аттики следы складывания культа героев (так называемого *tomb cult*), возникавшего вблизи древних микенских захоронений. Н. Колдстрим полагал, что это было связано с распространением гомеровского эпоса²⁰. Бросается в глаза связь изображений живых и погибших воинов, получивших распространение в вазописи, с героическими культурами²¹. А это, в свою очередь, указывает на связь культов с процессом формирования аристократии.

Э. Снодграсс, впрочем, считает появление культа героев результатом освоения территорий в процессе внутренней колонизации²². Таким способом земледельческим населением устанавливалась связь с осваиваемой им территорией. Ему возражает Дж. Витли, который видит в этом не столько результат освоения территории, сколько заявку местной знати на автохтонию в противовес Афинам²³. То есть он усматривает в появлении героических культов политический подтекст²⁴.

Другими словами, в VIII в. до н.э. можно говорить о появлении аристократии. В начале и середине VIII в. до н.э. появляются погребения, которые можно назвать аристократическими (например,

---

¹⁹ *Snodgrass A.M. Archaic Greece. The Age of Experiment. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1980. P. 23, 35–36; Coldstream J.N. Geometric Greece. L.: Benn, 1977. P. 133–135.*

²⁰ *Coldstream J.N. Hero Cults in the Age of Homer // JHS. 1976. Vol. 96; возражения см.: Morris I. Burial and Ancient Society... P. 193; Whitley J. Early States and Hero Cults: A Re-Appraisal // JHS. 1988. Vol. 108. P. 174.*

²¹ *Polignac de F. Cults, Territory and the Origins of the Greek City-State. Chicago: Chicago University Press, 1995. P. 129.*

²² *Snodgrass A.M. Archaeology and the Study of the Greek City // City and Country in the Ancient World / ed. by J. Rich, A. Wallace-Hadrill. L.: Routledge, 1991. P. 18.*

²³ *Whitley J. Early States... P. 178; Idem. Style and Society in Dark Age Greece. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 60–61.*

²⁴ *Idem. Early States... P. 181.*

кладбище Керамика и Дипилонские захоронения)²⁵. Особенностью данного периода становится появление богатых захоронений не только в Афинах, но и в Аттике²⁶. Следовательно, можно говорить о появлении аристократии как афинской, так и периферийной. Мало того, И. Моррис отмечает, что каждое сколько-нибудь крупное поселение имело свой собственный стиль погребений²⁷. Отмечается также, что немалая часть захоронений, находящихся за пределами города, — будем называть их аристократическими — были богаче афинских²⁸.

Можно предположить, что внутренняя колонизация, возникновение новых поселений, а также образование периферийной аристократии не могли не ослабить ранее существовавшие социальные и политические связи и даже привести к децентрализации. Формально городской и политический центр, каковым были Афины, существовал, но связи между центром и периферией могли быть ослаблены. Сошлемся на Фукидида, который, рассказывая о синойкизме Тезея, отмечал, что «...афиняне в течение долгого времени жили, пользуясь автономией, в разных частях своей страны» (*Thuc.* II. 16. 1, здесь и далее пер. Ф. Мищенко). Таким образом, синойкизм Тезея, если считать его исторической реальностью, становится процессом политического объединения Аттики. Мы полагаем, что происходит это в VIII в. до н.э.²⁹

Переход власти к аристократии в Афинах совпадает с появлением сословия *евпатридов*, превративших царей в государственных чиновников³⁰. Оформление *евпатридов* в сословие и их превраще-

---

²⁵ *Idem.* *Style and Society...* P. 182.

²⁶ *Ibid.* P. 56–57.

²⁷ *Morris I.* *Burial and Ancient Society...* P. 195.

²⁸ *Coldstream J.N.* *Geometric Greece...* P. 133–134. Любопытно, что так называемые дипилонские вазы были найдены не только в Афинах, но и в Аттике (*Idem.* *Warriors, Chariots, Dogs and Lions: A New Attic Geometric Amphora // BICS.* 1994. Vol. 39. P. 86).

²⁹ *Андреев Ю.В.* *От Евразии к Европе.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 780 и сл.; *Hall J.M.* *A History of the Archaic Greek World. Ca 1200–479 BCE.* 2nd ed. L.: Wiley-Blackwell, 2014. P. 245.

³⁰ *Ленская В.С.* *Эвпатриды: начало истории // ПИФК.* 1999. Вып. 8. С. 88.

ние в господствующий слой традиция также связывает с именем легендарного царя Тезей и проведенным им синойкизмом. Ему традиция приписывает разделение населения Афин на сословия (*Plut. Thes.* 24–25)³¹. Вот что по этому поводу пишет Плутарх: «Он (Тезей. — В. Г.) не хотел, чтобы его народ представлял беспорядочную, бесформенную, стекшуюся со всех сторон нестройную толпу, поэтому он первым разделил его на сословия благородных, землевладельцев и ремесленников. Благородным он поручил заведование религиозными обрядами, высшие правительственные места, сделал их блюстителями законов и толкователями тайн божеских и человеческих; но в остальном права их были те же, что и других граждан, — благородные имели преимущество в том, что им оказывалось больше почета» (*Plut. Thes.* 25, пер. В. Алексеева).

В политической сфере эмансипация аристократии проявлялась в том, что царская власть заменялась коллективной магистратурой — коллегией девяти архонтов, которые, согласно традиции, с 684/3 г. до н.э. стали избираться сроком на один год³². К архонтам относились архонт-эпоним, базилевс, полемарх и шесть фесмофетов:

Важнейшими и первыми по времени из должностей были базилевс, полемарх и архонт. Из них первую была должность базилевса, она была унаследованной от отцов. Второй присоединилась к ней должность полемарха, ввиду того что некоторые из царей оказались в военных делах слабыми. По этой причине и пригласили Иона, когда наступили затруднительные обстоятельства. Последней является должность архонта. ...Что же касается фесмофетов, то они стали избираться много лет спустя, когда уже выбирали должностных лиц на год. Они должны были записывать правовые положения и хра-

---

³¹ О *евпатридах* см.: *Hignett C. A History of the Athenian Constitution to the End of the 5th Century B.C.* Oxford: Clarendon Press, 1952. P. 78; *Sealey R. A History of the Greek City-States. 700–338 B.C.* Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1976. P. 116–119; *Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens.* Princeton: Princeton University Press, 1989. P. 56–57; *Ленская В.С. Эвпатриды: начало истории...* И.Е. Суриков полагает, что евпатридами называлась не вся аристократия, а только те, кто проживали в Афинах (*Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии...* С. 11).

³² *Develin R. Op. cit.* P. 2, 27.

нить их для суда над спорящими сторонами. Вот почему из высших должностей эта одна не была более как годичной (*Arist. Ath. Pol.* 3. 2–4)³³.

Архонт-эпоним (или просто архонт) в этом перечне был, возможно, наиболее значимой магистратурой³⁴. Как представители исполнительной власти архонты были наделены значительными судебными полномочиями. «Архонты, — по словам Аристотеля, — имели право решать дела окончательно, а не так, как теперь, производить только предварительное расследование» (*Arist. Ath. Pol.* 3. 5). Полемархи возглавляли армию, басилевсы занимались религиозными вопросами, в их же ведении находились судебные дела об убийствах³⁵. Последней в этом перечне возникла комиссия фесмофетов, в задачу которой входила запись принимаемых решений³⁶. Не исключено, что это были решения упомянутых должностных лиц и судебные вердикты, выносимые ареопагитами.

Архонты, считает Ч. Хигнетт, председательствовали на заседаниях ареопага и народных собраний³⁷. Если последнее — руководство заседаниями народных собраний — можно допустить, то предположение о руководстве ими ареопагом вызывает сомнения. Этому противоречит рассмотренная выше процедура избрания архонтов ареопагитами, свидетельствующая о том, что статус последних был значительно выше. Аристотель сообщает, что после исполнения своих обязанностей архонты становились ареопагитами (*Arist. Ath. Pol.* 3. 6, ср.: *Plut. Sol.* 19)³⁸. А вот Плутарх считает, что бывшие архонты стали пополнять ареопаг лишь после реформ Солона. «Солон, — пишет он, — составил совет ареопага из ежегодно сменяю-

---

³³ Ibid.

³⁴ *Hignett C.* Op. cit. P. 74, см. также: *Rhodes P.J.* A Commentary... P. 99 ff.

³⁵ *Hignett C.* Op. cit. P. 74, 75.

³⁶ По словам Ч. Хигнетта, они выполняли сугубо юридические функции (*Ibid.* P. 76; см. также: *Gagarin M.* The Thesmothetai and the Earliest Athenian Tyranny Law // *TAPhA.* 1981. Vol. 111; *Rhodes P.J.* A Commentary... P. 102).

³⁷ *Hignett C.* Op. cit. P. 74.

³⁸ См. также: *Sealey R.* Regionalism in Archaic Athens // *Historia.* 1960. Bd. 9. H. 2. P. 167; *Idem.* A History of the Greek City-States... P. 96; *Badian E.* Archons and *strategoí* // *Antichthon.* 1971. Vol. 5; *Rhodes P.J.* A Commentary... P. 106–107, 769.

щихся архонтов; он и сам был членом его как бывший архонт» (*Plut. Sol.* 19, здесь и далее пер. С. Соболевского). В этом случае, однако, остается не до конца ясным, как формировался состав ареопага до реформ Солона. Поэтому к сообщению Аристотеля следует отнестись с большим доверием.

И тем не менее с учетом того, что архонты могли избираться ареопагитами, резонно предположить существование их тесной связи с ареопагом. Не исключено, что при вынесении наиболее важных решений архонты должны были консультироваться с ареопагитами — бывшими архонтами³⁹.

Для того чтобы конкретно представить себе механизм политического доминирования в период архаики, рассмотрим персональный состав архонтов. От периода, предшествующего реформам Солона, нам известны имена 24 должностных лиц, из которых 19 были архонтами-эпонимами⁴⁰. По-видимому, все они были представителями знатных фамилий, хотя довольно трудно определенно установить их принадлежность к тому или иному семейству или группе.

Предком будущего тирана Писистрата был, по-видимому, архонт Писистрат, занимавший этот пост в 669/8 г. до н.э.⁴¹ Можно предположить принадлежность к роду Филаидов двух Мильтиадов — архонтов 664/3 и 659/8 гг. до н.э.⁴² Другим представителем рода Филаидов мог быть Кипсел (сын Агаместора?) — архонт 597/6 г. до н.э.⁴³ Возможно, этот Кипсел был внуком коринфского тирана Кипсела и отцом олимпийца Мильтиада, ставшего тираном Херсонеса Фракийского (*Herod.* V. 34–38)⁴⁴. Архонтом 645/4 г. был Дропид (в ката-

---

³⁹ Hignett C. Op. cit. P. 92.

⁴⁰ См.: Develin R. Op. cit. P. 27–34. Говоря точнее, нам известны имена 18 архонтов, поскольку имя архонта 598/7 г. не поддается восстановлению (*Ibid.* P. 33). О других должностных лицах источники ничего не сообщают.

⁴¹ Develin R. Op. cit. P. 28.

⁴² *Ibid.* P. 29. Если в это время еще не существовало правило, согласно которому архонтом можно было избираться лишь один раз, можно предположить, что это один и тот же человек.

⁴³ *Ibid.* P. 34.

⁴⁴ См. о нем: *Владимирская О.Ю.* Мильтиад Старший — ойкист: к вопросу о взаимоотношении аристократов и тиранов // Мнемон. СПб.: СПбГУ, 2002.

логе Дж. Дэвиса — Дропид I)⁴⁵. Он, по всей видимости, был близким родственником, а возможно, даже отцом другого Дропида (II) — архонта 593/2 г. Последний, кроме того, мог быть родственником (*oikeiotes*) реформатора Солона (*Plato. Tim.* 20 e)⁴⁶. Не исключено также, что Дропид I был отцом Крития (I) — архонта 600/599 г.⁴⁷ У нас есть основания связывать будущего афинского реформатора Солона с упомянутым Критием и его семьей. Не исключено, что Алкмеониды, побуждаемые к тому Солоном, покинули Афины именно в год архонтства Крития I⁴⁸. О другом Критии — сыне или внуке только что упомянутого — Солон говорит в одном из своих стихотворных отрывков:

Рыжему Критию надо сказать бы, отца чтобы чтил он:
Он не безумного так слушаться будет вождя.

(*Sol. fr.* 18 Diehl, пер. С. Радцига)

Архонтом 639/8 г. был некий Дамасий, возможно имеющий родственные связи с другим Дамасием — архонтом 582/1 г.⁴⁹ О последнем известно, что вскоре после реформ Солона он попытался силой сохранить за собой должность архонта (*Arist. Ath. Pol.* 13. 2)⁵⁰. Что касается других должностных лиц, очевидной представляется связь Мегакла — архонта 632/1 г., подавлявшего мятеж Килона, с семейством Алкмеонидов⁵¹. Последние представляли собой уникальное

---

⁴⁵ *Davies J.K.* Athenian Propertied Families. 600–300 B.C. Oxford: Clarendon Press, 1971. P. 322 ff.; *Develin R.* Op. cit. P. 29.

⁴⁶ *Davies J.K.* Op. cit. P. 322–324; *Develin R.* Op. cit. P. 38. Возможно, он был родным братом реформатора Солона (*Diog. Laert.* III. 1, см. также: *Ленская В.С.* Афинский род Кодридов // ВДИ. 2003. № 3. С. 124).

⁴⁷ *Develin R.* Op. cit. P. 33.

⁴⁸ *Rhodes P.J.* A Commentary... P. 84.

⁴⁹ *Develin R.* Op. cit. P. 40.

⁵⁰ Паросская хроника (Паросский Мрамор) называет его «второй Дамасий» (*Marm. Par.* 239 а 38), что П. Родс понимает как «молодой Дамасий» и считает это указанием на родственную связь с первым Дамасием — архонтом 639/8 г. до н.э. (*Rhodes P.J.* A Commentary... P. 182).

⁵¹ Комментарии и библиографию см.: *Develin R.* Op. cit. P. 30. Из последних работ на русском языке см.: *Зайцев А.И.* Заговор Килона // Античный мир.

явление в афинской истории. Впрочем, появление специальных исследований, посвященных данному семейству, позволяет нам избежать излишней детализации⁵².

При анализе списка должностных лиц, занимавших ключевые государственные посты до реформ Солона, бросается в глаза то, что упомянутыми именами исчерпывается перечень сколько-нибудь известных нам персонажей. Между тем к известным лицам, на наш взгляд, следует отнести несостоявшегося тирана и олимпионика Килона, законодателя Драконта, олимпионика Фринона и будущего реформатора Солона. Килон, возможно, также домогался высшей государственной должности. Не исключено, впрочем, что его привлекала не столько должность архонта, сколько возможность единоличного правления⁵³.

Особняком в числе упомянутых нами известных людей стоит Драконт, с именем которого традиция связывает изменение законодательства, называя его фесмофетом, т.е. законодателем (*Paus. IX. 36. 8*)⁵⁴. Любопытно, что именно он (если считать Драконта реальным лицом), а не высшее должностное лицо — в данном случае архонт-эпоним Аристе́хм — вводит новые законы (*Arist. Ath. Pol. 4. 1*). Н.Дж. Хэммонд усматривает в положении Драконта аналогию с Луцием Корнелием Суллой — в момент, когда тот стал dictator

---

Проблемы истории культуры. СПб.: СПбГУ, 1998; Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии... С. 78–124.

⁵² Об Алкмеонидах см.: Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии...; Владимирская О.Ю. Алкмеониды и мезизм в Афинах // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб.: СПбГУ, 2002.

⁵³ Едва ли можно согласиться с Дж. Обером, который высказывает предположение, что Килон и его сторонники могут быть определены как *kakoi*, т.е. как богатые неаристократы (*Ober J. Mass and Elite...* P. 58–59). Фукидид прямо говорит, что Килон принадлежал к древнему и благородному роду (τῶν πάλαι εὐγενῆς τε καὶ δυνατῶς) (*Thuc. I. 126. 3*).

⁵⁴ *Develin R.* Op. cit. P. 31. О Драконте см. также: *Stroud R.S. Drakon's Law of Homicide.* Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1968; *Gagarin M. Drakon and Early Athenian Homicide Law.* New Haven: Yale University Press, 1981; *Rhodes P.J. A Commentary...* P. 112.

reipublicae constituendae causa⁵⁵. Действительно, не исключено, что первый афинский законодатель был наделен чрезвычайными полномочиями, сходными с полномочиями устроителя (эсимнета)⁵⁶.

Что касается других персонажей, то Фринон и Солон (прежде чем стать реформатором) были военачальниками⁵⁷. Правда, Солон был избран стратегом (военачальником) в экстраординарной ситуации, о чем еще будет сказано ниже.

Итак, что же можно сказать о политической значимости архонтов? Ч. Хигнетт, говоря о государственном устройстве Афин в древнейший период, замечает, что должность архонтов в этот период была главным объектом политических амбиций и партийной борьбы⁵⁸. Подтверждение можно найти у Аристотеля, рассказывающего, правда, о ситуации, сложившейся после реформ Солона. Сложности с избранием архонта, возникшие вскоре после отъезда Солона из Афин, а также попытка Дамасия удержать эту должность силой заставили Аристотеля предположить, что «архонт имел весьма большую силу, так как, по-видимому, все время шла борьба из-за этой должности» (*Arist. Ath. Pol.* 13. 2). Впрочем, следует иметь в виду, что сам автор высказывает эту мысль крайне осторожно.

Проведенный выше анализ персонального состава архонтов позволяет высказать несколько предположений. С одной стороны, мы видим среди архонтов представителей достаточно влиятельных фамилий — Филаидов, Алкмеонидов. Первые даже чаще других встречаются среди архонтов. Это наверняка является свидетельством влияния Филаидов. Но говорит ли это о значимости самой должности? Бросается в глаза то, что среди упомянутых персонажей почти не встречаются известные люди. Большую известность получили как раз те, кто не имел отношения к должности архонта, — например, Фринон, Драконт. Создается впечатление, что архонты-эпонимы

---

⁵⁵ *Hammond N.G.L. The Seisachtheia and the Nomothesia of Solon // JHS. 1940. Vol. 60. P. 82.*

⁵⁶ См.: *Rihll T.E. Lawgivers and Tyrants (Solon fr. 9–11 West) // CQ. 1989. Vol. 39. No. 2. P. 282.*

⁵⁷ *Develin R. Op. cit. P. 32, 33* (Р. Девелин называет Фринона и Солона стратегами).

⁵⁸ *Hignett C. Op. cit. P. 75.*

были скорее номинальными лидерами, нежели действительно влиятельными политиками. Поэтому мы считаем возможным присоединиться к мнению тех исследователей, которые полагают, что значение должности архонта в рассматриваемый период едва ли было велико. Годичная магистратура вряд ли могла стать политически значимой должностью. Хотя архонты могли быть лидерами аристократических *гетерий* (подобно Мегаклу, подавлявшему мятеж Киллона, о чем будет сказано ниже), мы полагаем, что эта магистратура, скорее всего, была начальной ступенью в политической карьере, поскольку открывала путь в ареопаг⁵⁹.

Быть может, большей властью располагали представительные или коллегиальные органы, скажем, народное собрание или ареопаг? О народном собрании, повторимся, мы практически ничего не слышим вплоть до реформ Солона. Можно лишь предполагать его существование⁶⁰. Что же в таком случае оно могло представлять собой? Известно, что в более позднее время голосование производилось по филам. Если бы так было до реформ Солона, то, как нам представляется, мы знали бы о филах чуть больше. Между тем сохранившаяся традиция содержит значительно больше информации о фратриях. В качестве примера можно указать на законодательство Драконта, в котором роль фратрии была достаточно велика⁶¹. Следовательно, если предполагать существование народного собрания до реформ Солона, резонно допустить, что афиняне голосовали по фратриям. А принимая во внимание предположение о взаимосвязи

---

⁵⁹ Sealey R. Regionalism... P. 167; Badian E. Archons and *strategoï*... P. 1–34. С. Хэмфриз высказывает предположение, что архонты в 20-х годах VI в. до н.э., т.е. при Писистратидах, были еще достаточно молодыми людьми (Humphreys S. C. Op. cit. P. 521, n. 2). Однако она не исключает, что это было особенностью только данного периода.

⁶⁰ И.Е. Суриков полагает, что народное собрание не играло значительной роли вплоть до реформ Солона. Кроме того, оно, по его мнению, охватывало не весь гражданский коллектив (Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. М.: Наука, 2005. С. 108).

⁶¹ Напомним, что здесь комиссия из десяти членов фратрии, избранных из числа благородных, должна была решать вопрос о доступе в страну человека, совершившего преступление (IG I³ 103).

процессов появления аристократии и выделения фратрий в рамках фил, можно предположить, что влияние аристократии было подавляющим.

Если сказанное нами верно, не вызывает удивления, что демос действительно был отстранен от управления делами государства, т.е. роль народного собрания была ничтожна. В подтверждение этого упомянем ранее приведенный пассаж «Афинской политики», согласно которому демос «ни в чем... не имел своей доли» (*Arist. Ath. Pol.* 2. 2). Последнее следует понимать как указание на политическое бесправие демоса. Роль народной массы, принимающей политические решения, обнаруживалась лишь время от времени — в моменты обострения политической борьбы или во время стихийных сходок вооруженного народа. Так было, в частности, в период подавления заговора Килона. Фукидид рассказывает, что афиняне, утомленные долгой осадой, разошлись по домам, обязав девятирх архонтов вести осаду и снабдив их неограниченными полномочиями (ἐπιτρέψαντες τοῖς ἐννέα ἄρχουσι τὴν τε φυλακὴν καὶ τὸ πᾶν αὐτοκράτορσι διαθεῖναι) (*Thuc.* I. 126. 8). В последних словах слышатся отзвуки политического, коллегиально принятого решения. Сообщество осаждавших Килона вооруженных афинян превратилось, по видимому, в импровизированное народное собрание⁶². Но это было скорее исключением, нежели правилом. Спонтанно возникавшие народные сходки превращались в импровизированные народные собрания лишь в экстраординарных случаях.

Большой политический вес мог иметь в этот период ареопаг (*Arist. Ath. Pol.* 8. 2). До реформ Солона в руках ареопагитов были сосредоточены наиболее значимые властные полномочия. Ареопаг, как было сказано выше, мог контролировать не только процесс назначения высших должностных лиц, но и их деятельность. Удивля-

---

⁶² Так же будет и в момент назначения Солона лидером похода на о. Саламин. См. об этом: *Goušchin V. Pisistratus' Leadership in A.P.13.4 and the Establishment of the Tyranny of 561/60 B.C.* // *CQ.* 1999. Vol. 49. No. 1. P. 16, n. 18. P. Сили, говоря о времени правления Тридцати тиранов, замечает, что сходка вооруженных людей легко могла преобразоваться в политическое собрание (*Sealey R. The Athenian Republic. Democracy or the Rule of Law? University Park; L.: Pennsylvania State University Press, 1987. P. 96*).

ет, впрочем, то, что ни одно сколько-нибудь значимое событие этого времени не было связано с ареопагом⁶³.

Сказанное выше наводит на мысль о том, что искать наиболее влиятельный институт или магистратуру в архаический период едва ли оправданно. Скорее всего, реальная политическая власть осуществлялась *неформально*, т.е. вне политических институтов. Ею обладали представители наиболее знатных или влиятельных кланов или семей, опиравшиеся на собственные политические группировки (*гетерии*). Обращают на себя внимание слова Аристотеля о том, что в олигархических режимах избрание на высшие государственные должности было обусловлено большим имущественным цензом или принадлежностью к аристократическим *гетериям* (*Arist. Pol. V. 1305 b 30–35*). Следовательно, необходимым условием политического влияния была принадлежность к доминирующей политической группировке — *гетерии*⁶⁴.

Возможно, *гетерии* были связаны с институтом фратрий⁶⁵. В дорийских полисах, например, *гетерии* были аналогом афинских *фратрий*⁶⁶. В этом мы можем видеть еще одно подтверждение высказанного выше предположения о значительно большем социальном

---

⁶³ Некоторые исследователи считают, что основными функциями ареопага были не политические, а религиозные и судебные (см., например: *Hignett C. Op. cit. P. 89 ff.*). В последнее время высказывается мнение о том, что полномочия ареопага до реформ Солона едва ли были значительными (*Wallace R. W. The Areopagos Council... P. 14*). Д. Стоктон, наоборот, полагает, что ареопаг как единственный постоянно действующий орган был наиболее значимым (*Stockton D. The Classical Athenian Democracy. Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 29*).

⁶⁴ См., например: *Donlan W. Chief and Followers in Pre-State Greece // From Political Economy to Anthropology: Situating Economic Life in Past Societies. Montreal; N.Y.: Black Rose Book, 1994. P. 34–51*. Во времена Гомера *гетерия* была одной из основных политических ячеек общества, а также важнейшим инструментом влияния и престижа (*Ibid. P. 39*). См. также: *Фролов Э.Д. Сообщества друзей // Альтернативные сообщества в античном мире. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 16 и сл.*

⁶⁵ *Guarducci M. L'istituzione della fratria nella Grecia antica e nelle colonie greche d'Italia. Roma: Bardi, 1937. P. 10; Nilsson M.P. Geschichte der griechische Religion. Bd. 1. München: Beck, 1955. S. 672.*

⁶⁶ *Hignett C. Op. cit. P. 38; Roussel D. Tribu et Cité. Paris: Les Belles Lettres, 1976. P. 124 ff.*

весе *фратрий*. По форме *гетерия* была сообществом друзей-сотрапезников. Чаще всего ее члены — люди одного возраста и социального статуса⁶⁷. Именно такой была, скажем, *гетерия* Килона, объединявшая, по свидетельству Геродота, сверстников-одногодков (*Herod. V. 71*). Во главе каждой из таких *гетерий* стояла влиятельная фигура — лидер. Лидер, можно сказать, был ее интегрирующим фактором. Лидером, мы полагаем, мог стать далеко не каждый представитель аристократического семейства. Скорее всего, им становился отпрыск влиятельного семейства либо старший по возрасту. О Килоне, например, Фукидид говорит, что он был представителем древнего и влиятельного рода (τῶν πάλαι εὐγενῆς τε καὶ δυνατῶς) (*Thuc. I. 126. 3*). Помимо того, его лидерство подкреплялось женитьбой на дочери мегарского тирана Феагена.

На этом основании можно предположить отсутствие равенства внутри аристократии, т.е. своего рода ранжирование ее представителей. Плутарх, описывая ситуацию, сложившуюся в Афинах после смерти одного из влиятельных аристократических лидеров Кимона (середина V в. до н.э.), говорит, что «люди из так называемого хорошего общества были рассеяны по одиночке и смешаны с народом, так что блеск их происхождения терялся среди массы рядовых граждан» (*Plut. Per. 11*, пер. С. Лурье). Ситуация изменяется лишь с появлением нового лидера, каковым стал представитель влиятельного семейства — Фукидид, сын Мелесия.

Другой интересующий нас вопрос — существовал ли специальный термин, обозначающий лидеров *гетерий*? В источниках встречаются упоминания о неких *hegemones* или *demou hegemones* (*Sol. fr. 3. 7, 5. 7, 18. 2 Diehl; Arist. Ath. Pol. 26. 1*). Вот, например, как Солон описывает сложившуюся в Аттике ситуацию:

...Неразумьем своим сами граждане город великий
Ввергнуть в погибель хотят ради корысти одной.

И у народных вождей (δῆμου θ' ἡγεμόνων) преисполнены

думы лукавства.

---

⁶⁷ Connor W.R. *The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Princeton: Princeton University Press, 1971. P. 26; Welwei K.-W. *Die griechische Polis*. Stuttgart: Steiner, 1983. S. 49; Фролов Э.Д. *Сообщества друзей...* С. 19.

Горестей много их ждет ради надменности их.
Спеси (ῥβριος) своей ведь они подавлять не умеют и радость,
Данную ныне, венчать в тихом кругу за столом...

(Sol. fr. 3. 5–10 Diehl, пер. С. Радцига)

В данном случае в «народных вождах» следует, несомненно, видеть представителей аристократии⁶⁸. Очевидно также, что *гегемоны*, которым адресованы приведенные строки, не рядовые аристократы, а лидеры неких противоборствующих групп. Солон беспокоит то, что их спесь (*hybris*), проявлявшаяся в соперничестве, несет угрозу городу и его гражданам — рабство, которое пробуждает гражданскую смуту (Sol. fr. 3. 19–20 Diehl)⁶⁹. Поэт предлагает решать возникающие проблемы за пиршественным столом, т.е. из соперников стать сотрапезниками — войти в одну условную *гетерию*. Автор апеллирует к традиционным аристократическим образам и ценностям — совместная трапеза, пир представляется поэтом как символ социального порядка, идеальный способ разрешения возникающих конфликтов и противоречий⁷⁰.

В этой же связи есть смысл привести ранее цитировавшийся поэтический отрывок Солон:

Рыжему Критию надо сказать бы, отца чтобы чтил он:
Он не безумного так слушаться будет вождя (*hegemoni*).

(Sol. fr. 18. 1–2 Diehl, пер. С. Радцига)

По-видимому, юный аристократ Критий был крепче привязан к лидеру аристократической группировки (здесь — гегемону), нежели к отцу, т.е. гетериальная солидарность оказывалась крепче семейных уз. В связи с этим вспоминаются слова Фукидида о том, что в период

---

⁶⁸ Ferrara G. Solone ed i capi del popolo // PP. 1954. Vol. 37. P. 334–344; Donlan W. Changes and Shifts in the meaning of Demos in the literature of the Archaic period // PP. 1970. Fasc. 135. P. 338.

⁶⁹ Рабством Солон, по-видимому, называет установление власти одного человека, тирании.

⁷⁰ Дискуссию об этом см.: Schmitt-Pantel P. Sacrificial Meal and Symposion: Two Models of Civic Institutions in the Archaic City? // Symptica. A Symposium on the Symposion / ed. by O. Murray. Oxford: Clarendon Press, 1990. P. 21.

Пелопоннесской войны, спровоцировавшей жесточайшие социальные смуты, узы гетериальной дружбы (или солидарности) оказывались даже сильнее семейных уз: «Родство связывало людей меньше, нежели узы гетерий, так как члены последних отваживались на все с большой готовностью и без всяких отговорок» (*Thuc.* III. 82. 6).

А вот что говорит о молодом Кимоне Аристотель: «В эту пору (после отражения нашествия Ксеркса? — В. Г.) как раз произошло такое совпадение, что партия благородных не имела даже вождя (первое место у них занимал Кимон, сын Мильтиада, человек слишком молодой и поздно обратившийся к занятию государственными делами [αὐτῶν προεστάναι Κίμωνα τὸν Μιλτιάδου, νεώτερον ὄντα καὶ πρὸς τὴν πόλιν ὀψὲ προσελθόντα]), да кроме того большинство их погибло на войне» (*Arist. Ath. Pol.* 26. 1). В тот момент Кимон был, по видимому, наиболее знатным — первенствовал среди аристократов (προεστάναι) — и поэтому мог стать лидером афинской аристократии, но, будучи слишком молодым человеком и неопытным политиком, он еще не мог быть их гегемоном, т.е. лидером аристократической группировки.

В качестве итога повторим ранее высказанное нами предположение: гегемонами могли именоваться лидеры аристократических группировок⁷¹. Впрочем, в период архаики едва ли можно ожидать существования разработанной социально-политической терминологии⁷². Основу *гетерии*, безусловно, составляли аристократы (а возможно, и не только они), связанные узами дружбы⁷³. В большей мере то, что связывало участников *гетерий*, напоминало семейные узы. Известно, что дружба у греков подразумевала помимо прочего еще

⁷¹ *Goušchin V.* Pisistratus' leadership... P. 15, n. 9; 17–18, n. 27. Мы не думаем, что *demou hegemones* следует отождествлять с аристократией вообще, как это делает Дж. Феррара (см.: *Ferrara G.* Op. cit. P. 339 ff.).

⁷² Относительно термина *гегемон* см. также: *Badian E.* Archons and strategoi... Appendix A. P. 31. Приведенные здесь примеры определенно указывают на связь *гегемонии* с военным руководством.

⁷³ *Dirlmeier F.* Filos und filia im vorhellenistischen Griechentum. München: Druck der Salesianischen Offizin, 1931; *Adkins A.W.H.* "Friendship" and "Self-Sufficiency" in Homer and Aristotle // *CQ.* 1963. Vol. 12. No. 1. P. 30–45; *Connor W.R.* Op. cit. P. 25 ff., 35 ff.

и *suttachia* (военный союз). Все, находящиеся за пределами дружеской ассоциации, могли рассматриваться как враждебные элементы⁷⁴. По этой причине *гетерии* со временем могли превратиться и превращались в мощный социально-политический инструмент. У.Р. Коннор называет взаимоотношения внутри *гетерии* «политической дружбой» (*political friendship*)⁷⁵.

Превращение *гетерии* в средство борьбы за власть можно датировать серединой или второй половиной VII в. до н.э. Это нашло свое отражение и в терминологии. В период архаики для обозначения той или иной политической группировки чаще использовался термин *стасис*, означавший одновременно и междоусобицу (e.g. *Arist. Ath. Pol.* 13. 4, 14. 4; ср. *Herod.* I. 60)⁷⁶. Смутой, как считает Э. Линтотт, *стасис* становится с того момента, как группировка начинает отождествляться с позицией, занимаемой тем или иным лидером⁷⁷.

Известно, что период архаики был временем ожесточенной борьбы аристократии и аристократических *гетерий* за власть и влияние. Причиной обострения политического противостояния было то, что власть осуществлялась, как мы говорили выше, неформально. Это означало, что механизм смены политических лидеров либо не существовал, либо просто не использовался. Подобный тип властных отношений можно охарактеризовать как кризисный, поскольку он был чреват серьезными социально-политическими потрясениями, которые несли в себе угрозу всему обществу. Кроме того, в политической жизни появляются новые черты и, в частности, тенденция к олигархизации — захват и стремление к удержанию власти представителями более влиятельных семей (кланов), опиравшихся на собственные группировки.

---

⁷⁴ *Earp F.R.* The Way of the Greeks. L.: Milford, 1929. P. 31 ff. Отсюда небезызвестное правило действовать во благо друзей и вредить врагам (*Plato. Menon*, 71 E).

⁷⁵ *Connor W.R.* Op. cit. P. 25.

⁷⁶ См также: *Зельин К.К.* Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э. М.: Наука, 1964. С. 71.

⁷⁷ *Lintott A.* Violence, Civile Strife and Revolution in Classical City. 750–330 B.C. L.: Croom Helm, 1982. P. 34.

Впервые мы видим *гетерию* и ее лидера борющимися за власть в момент заговора Килона (*Thuc.* I. 126)⁷⁸. Есть смысл присмотреться к этим событиям. «Был в Афинах некто Килон, — рассказывает Геродот, — победитель в Олимпии. Он до того возгордился, что стал добиваться тирании. С кучкой своих сверстников он пытался захватить акрополь. Когда это ему не удалось, Килон сел как “умоляющий о защите” у кумира богини. Старосты (в оригинале «пританы». — В. Г.) навкрарий, которые тогда правили в Афинах, склонили Килона с товарищами уйти оттуда, обещав сохранить им жизнь» (*Herod.* V. 71, пер. Г. Стратановского). А далее случилось нечто непредвиденное, и заговорщики были перебиты. При этом вина за убийство «умолявших» легла на Алкмеонидов.

В данной истории нас интересуют несколько аспектов. Прежде всего кто же такие «пританы навкрарий». По этому поводу среди исследователей нет единого мнения⁷⁹. В источниках содержатся сведения о том, что до реформ Клисфена Аттика делилась на навкрарии — 48 округов, каждый из которых был обязан поставлять по одному кораблю (*Schol. Aristoph.* Pac. 1200)⁸⁰. Судя по сообщению Аристотеля, реформами Клисфена навкрарии были заменены демями. «Учредил он (Клисфен. — В. Г.) и должность демархов, — читаем у Аристотеля, — которые имеют те же обязанности, что прежние навкрары, так как демы он образовал вместо навкрарий» (*Arist. Ath.* Pol. 21. 5). В следующем разделе мы обратимся к этой проблеме, а пока вернемся к истории Килона.

Фукидид рассказывает, что Килон, представитель древнего и влиятельного рода, олимпийский победитель решил на захват власти в Афинах. Собрав друзей и опираясь на военную поддержку своего зятя — мегарского тирана Феагена, он попытался захватить акрополь. Однако попытка оказалась неудачной. Источники свидетельствуют о том, что перед нами именно *гетерия*. Фукидид называет сподвижников Килона *οἱ δὲ μετὰ τοῦ Κύλωνος* — «те, кото-

⁷⁸ Из последних работ см.: *Зайцев А.И.* Указ. соч.; *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... Гл. 2.

⁷⁹ Обсуждение и историографию см.: *Зайцев А.И.* Указ. соч. С. 62–66.

⁸⁰ См.: *Бондарь Л.Д.* Афинская триерархия V–IV вв. до н.э. // *Para bellum.* Вып. 15. 2002. С. 59.

рые с Килоном» (*Thuc.* I. 126. 9)⁸¹. Плутарх, в свою очередь, называет группировку Килона *синомосией* — эквивалентом понятия *гетерия*. Ф. Сартори считает *синомосию* позднейшей модификацией аристократической группировки, имевшей явную антигосударственную направленность⁸². Килону также противостояла аристократическая группировка — Мегакл и его ближайшие сторонники (*sustasiotai*)⁸³. Последнее может указывать еще и на то, что при осуществлении власти (а возможно, и в момент ее обретения) архонты опирались на собственные группировки — *гетерии*.

Если говорить о дальнейших исторических событиях, то после подавления заговора Килона мы наблюдаем изнурительную борьбу влиятельных политических кланов или семей. Заговор и особенно жестокость его подавления оказали существенное влияние на политический ландшафт. В результате расправы над тираном-неудачником, а главное, вследствие «осквернения» Алкмеонидов — убийства заговорщиков — было утрачено равновесие в обществе и правящей группировке, ядро которой, возможно, составляли Алкмеониды. Плутарх сообщает, что теперь основная борьба развернулась между ними и сторонниками Килона. «Оставшиеся в живых сообщники Килона, — пишет Плутарх, — опять вошли в силу и постоянно враждовали с партией Мегакла» (*Plut.* Sol. 12). И это было уже не столько соперничество аристократии, домогающейся власти и влияния, сколько борьба на уничтожение.

Итогом подавления заговора Килона было, пожалуй, и то, что афинская аристократия раскололась на две противоборствующие фракции: сторонники и противники Алкмеонидов⁸⁴. К последним,

---

⁸¹ Таким же образом в «Афинской политии» описываются группировки Мегакла и Ликурга (οἱ περὶ τὸν Μεγὰκλέα καὶ τὸν Λυκοῦργον) (*Arist.* Ath. Pol. 14. 3).

⁸² См.: *Sartori F.* Le etetie nella vita politica Ateniese del VI e V secolo A.C. Roma: Bretschneider, 1957. P. 159–190; см. также: *Никитюк Е.В.* К вопросу о гетериях в Греции в V–IV вв. до н.э. // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Ставрополь: СГУ, 1999. С. 32–55. Вряд ли стоит удивляться тому, что Плутарх использует бывшее у него на слуху понятие.

⁸³ См.: *Frost F.J.* The Athenian Military before Cleisthenes // *Historia.* 1984. Bd. 3. H. 3. P. 286–287.

⁸⁴ См. также: *Кыйв М.* Три «партии» в Аттике в VI в. до н.э. в контексте социально-политической истории Архаических Афин // *Античный полис. Проб-*

очевидно, следует отнести тех, кто впоследствии добивался изгнания Алкмеонидов. Одним из таких людей был, надо думать, Мирон из Флии, ставший много позднее обвинителем на процессе, итогом которого будет изгнание Алкмеонидов (*Arist. Ath. Pol.* 1. 1; *Plut. Sol.* 12).

Трудно сказать что-либо определенное о другой, не менее влиятельной группе аристократов, именуемых Филаидами. Возможно, они имели дружеские связи с Коринфом, о чем свидетельствует использование в этом роду имени Кипсел. Филаидов нельзя назвать союзниками Алкмеонидов. Возможно, в тот момент, когда архонтом был Кипсел (597/6), доминировали противники находившихся в ссылке Алкмеонидов. А если учесть, что политический строй в Афинах накануне реформ Солона был, по словам Аристотеля, олигархическим (*Arist. Ath. Pol.* 2. 2), гипотетически можно предположить, что его основу могли составлять Филаиды.

Подавление заговора Килона и разгоревшаяся затем борьба основательно потрясли афинское общество. Вслед за этим, естественно, начинают предприниматься попытки стабилизировать ситуацию. Если законодательство Драконта связывать с ситуацией, сложившейся в Афинах после подавления заговора Килона, то его можно считать одной из таких попыток по восстановлению утраченного равновесия⁸⁵. Однако эти меры, по-видимому, не принесли желаемого результата. Вот тогда-то на политической арене появляется Солон. «...Раздор достиг высшей точки, — сообщает Плутарх, — и народ разделился на два лагеря. Солон, уже пользовавшийся тогда большой известностью, вместе с знатнейшими гражданами выступил посредниками между ними (παρῆλθεν εἰς μέσων ἄμα τοῖς ἀρίστοις); просьбами и убеждениями он уговорил так называемых “проклятых” (Алкмеонидов. — В. Г.) подвергнуться суду трехсот знатнейших граждан. Обвинителем выступил Мирон из Флии» (*Plut. Sol.* 12).

лемы социально-политической организации и идеологии античного общества. СПб.: СПбГУ, 1995. С. 66.

⁸⁵ См., например: Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса... С. 131; Суриков И.Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 39 и сл.

В итоге около 600 г. до н.э. Алкмеониды были осуждены: «...оставшиеся в живых были изгнаны, а трупы умерших были вырыты и выброшены за пределы страны» (*Plut. Sol. 12*; ср. *Arist. Ath. Pol. 1*)⁸⁶. Суд и изгнание, скорее всего, могли иметь место лишь после смерти главного участника этих событий и, надо думать, весьма влиятельного в годы своей жизни — Мегакла. В тот момент его сын Алкмеон — будущий олимпиец и отец другого Мегакла, лидера группировки *паралиев* — должен был быть еще слишком юным, чтобы вмешаться в ход событий. Обращает на себя внимание то, что Солон и участвовавшие в этой акции не стремились силой принудить Алкмеонидов к суду. С одной стороны, это свидетельствует об определенной близости Солона с Алкмеонидами, которых он впоследствии вернет из ссылки⁸⁷, с другой — указывает на стремление Солона разрешить кризис мирными средствами.

Изгнание Алкмеонидов существенно повлияло на политическую ситуацию в Аттике. С одной стороны, удаление рода, не принадлежащего к древнейшим и коренным аттическим родам⁸⁸, усиливало традиционную земледельческую аристократию, т.е. тех, кого условно можно было бы назвать евпатридами. Но, с другой стороны, удаление, можно сказать, спасло репутацию Алкмеонидов, поскольку их не оказалось среди тех алчных аристократов, которые обращали в рабство неоплатных должников, т.е. немалую часть афинского демоса.

Кроме того, удаление Алкмеонидов совпало с ослаблением внешнеполитических позиций Афин. «Вследствие этих смут, — говорит Плутарх, — и одновременного нападения мегарян афиняне потеряли Нисею и опять были вытеснены из Саламина. Населением овладел суеверный страх; являлись привидения; по заявлению гадателей,

---

⁸⁶ Мы следуем реконструкции П. Родса, датирующего изгнание Алкмеонидов и последовавшее затем очищение Аттики Эпименидом приблизительно 600 г. до н.э. (*Rhodes P.J. A Commentary...* P. 84). И.Е. Суриков не склонен доверять сообщению Плутарха, считая участие Солона анахронизмом (*Суриков И.Е. Из истории...* С. 37).

⁸⁷ См. об этом: *Кийв М. Три «партии» в Аттике...* С. 64; *Суриков И.Е. Из истории...* С. 133–140.

⁸⁸ *Rhodes P.J. A Commentary...* P. 187.

жертвы указывали, что кощунства и осквернения требуют очищения» (*Plut. Sol.* 12). Вот тогда-то и было совершено очищение Аттики прибывшим по приглашению Солона критянином Эпименидом⁸⁹.

Изгнание Алкмеонидов не внесло ожидаемого успокоения. Правда, теперь на первый план выходят противоречия между аристократией и демосом. На рубеже VII–VI вв. до н.э. в Аттике разразился жесточайший политический и социально-экономический кризис, поставивший под сомнение сам способ осуществления власти. Итогом правления аристократии стал не только политический, но и социально-экономический кризис, вызванный беспрецедентным по масштабам закабалением земледельцев⁹⁰.

1.2. Eunomia: Солон

Дальнейшие события в немалой степени стали реакцией на сложившуюся в Афинах и Аттике ситуацию. С одной стороны, она характеризовалась продолжавшимися конфликтами в среде аристократии, а с другой — бедственным положением демоса, что также было следствием господства аристократии. Конфликты в среде аристократии — явление неизбежное. Помимо борьбы за власть и влияние, остроту ситуации придавало господство так называемых агональных ценностей — непрестанное соперничество представителей аристократических семей. Итогом этой борьбы был захват и удержание власти победившей группировкой. Мы уже говорили, что строй, существовавший в Афинах до реформ Солона, Аристотель называет олигархическим. «...Он (Солон. — В. Г.) упразднил крайнюю олигархию, положил конец рабству простого народа и установил прародительскую демократию, удачно смешав элементы различных государственных устройств...» (*Arist. Pol.* 1273 b 37–38).

На этом фоне происходит активизация демоса, все чаще вынужденного заявлять о своей политической позиции. «...Главное было то, — замечает Аристотель, — что бедные находились в порабощении не только сами, но также и дети и жены. Назывались они пелата-

⁸⁹ Ibid. P. 84.

⁹⁰ Суриков И.Е. Античная Греция... С. 109.